

ПЛЕЩЕЕВ, Алексей Николаевич [22.XI(4.XII). 1825, Кострома --26.IX(8.X).1893, Париж; похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище] -- поэт, переводчик, прозаик, литературный и театральный критик. Родился в семье небогатого провинциального чиновника, представителя старинного дворянского рода. Детство поэта прошло в Нижнем Новгороде, где с 1827 г. служил его отец, скончавшийся, когда П. был еще ребенком. Его воспитанием занималась мать, Елена Александровна (урожденная Горскина), давшая сыну хорошее домашнее образование, продолженное им в Петербурге (куда он переселился вместе с матерью в 1839 г.) в школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров (поступил в 1840 г.). Однако царившая там атмосфера угнетала, военная карьера его не привлекала, и в 1842 г. он покинул училище (уволен по болезни), а осенью 1843 г. поступил в Петербургский университет, на восточное отделение историко-филологического факультета. В студенческие годы значительно расширился круг знакомств П. (он посещал салон Майковых, был вхож в дом П. А. Плетнева, бывал у А. А. Краевского) и определилась сфера его интересов: литературные и театральные увлечения сочетались с обращением к истории и политической экономии, что объяснялось, вероятно, влиянием М. В. Буташевича-Петрашевского и его друзей, со многими из которых П. познакомился в годы учебы, особенно сблизившись в дальнейшем с С. Ф. Дуровым, А. И. Пальмом, Ф. М. Достоевским, Н. А. Спешневым.

Социалистические идеи петрашевцев увлекли П.; разделяя их пропагандистские устремления, он совместно с Н. А. Мордвиновым готовил перевод книги французского публициста, идеолога утопического социализма, Ф. Ламенне "Слово верующего", намереваясь отпечатать ее в тайной типографии. В 1845 г., не окончив курса, П. вышел из университета, но не прерывал контактов с единомышленниками, их встречи неоднократно бывали в его доме.

К тому времени уже проявилось его поэтическое дарование (первые оригинальные стихотворения П. были напечатаны в нач. 1844 г. в "Современнике"), и в кругу петрашевцев он воспринимался как поэт-борец, свой Андре Шенье (см.: Петрашевцы в воспоминаниях современников.-- М.; Л., 1926.-- [Т. 1].-- С. 52, 195). Ранняя лирика П. действительно окрашена идеями социалистического утопизма. Традиционные романтические мотивы разочарования, одиночества, тоски осмыслены как реакция на социальное неблагополучие и неотделимы от темы "святого страдания" лирического героя: тревога, "мрачный дух сомненья" мотивированы "бедствиями <...> страны <...> родной", "муками братьев", а конфликт с толпой, "живущей мыслями отцов",-- мечтой лирического героя быть "гонимых утешителем", возвестить "мщенья грозный час / Тому, кто в тине зла и праздности погряз" ("Сон", "Странник", "На зов друзей"). Гуманистический пафос лирики П. сочетался с характерным для настроений утопистов пророческим тоном, питавшимся надеждой "увидеть вечный идеал": "Но будет время... пронесутся / Дни бедствий, горя и тревог; / Жрецы Ваала ужаснутся, / Когда восстанет правды бог! / Навеки в мире водворится / Священной истины закон..." ("Поэту", <1846>). Вера в возможность гармоничного мироустройства, ожидание скорых перемен выразились и в самом известном стихотворении П., исключительно популярном в кругу петрашевцев (а также и среди революционно настроенной молодежи следующих поколений),-- "Вперед! без страха и сомненья..." (<1846>): "Зарю святого искупленья / Уж в небесах завидел я!" Знаменательно, что В. Н. Майков, друг и единомышленник П., в рецензии на первый сборник его стихотворений (1846) с особым сочувствием писал о его вере в "торжество на земле истины, любви и братства", называя П. при этом "первым нашим поэтом и настоящее время" (Отечественные записки.-- 1846.-- № 10.-- Т. IV.-- С. 39--40; Майков В. Н. Литературная критика.-- Л., 1985.-- С. 272--278). Однако оценки творчества П. и в 40-е, и в последующие годы были довольно разноречивы. Его поэтическая система, сформировавшаяся в русле пушкинской и лермонтовской традиций, опиралась преимущественно на устойчивые словосочетания, сложившиеся ритмико-синтаксические схемы, хорошо разработанную систему образов. Одним критикам это представлялось свидетельством подлинного вкуса и таланта П. (см.: <Плетнев П. А.> // Современник.-- 1846.-- Т. 44), другим давало основание называть некоторые его стихотворения "бесцветными" (Белинский В. Г. Собр. соч.-- М., 1982.-- Т. 8.-- С. 490), обвинять его в "несамостоятельности" и "однообразии" (см.: Финский вестник, 1846.-- Т. XII; <Алмазов Б. А.> // Утро. Литературный сборник.-- М., 1859.-- <Вып. 1>.-- С. 67). Вместе с тем современники всегда высоко ценили "общественное значение" поэзии П., "благородное и чистое направление" его творчества, "глубокую искренность", "призыв к честному служению обществу" (<Михайлов М. Л.> // Современник.-- 1861.-- № 3.-- Т. IV.-- С. 91, 93, 94; см. также: Арсеньев К. К. Критические этюды по русской литературе.-- Спб., 1888.-- Т. 2).

Во второй половине 40 гг. П. довольно успешно выступал и как прозаик. Бойко написанные рассказы с динамично развивающейся интригой, ироничной манерой повествования, насыщенные разоблачительными зарисовками чиновничьего быта, сатирическими характеристиками обывательской морали, отмечены несомненным влиянием Гоголя и примыкают к прозе "натуральной школы" (см.: "Енотовая шуба. Рассказ не без морали", 1847; "Папироска. Истинное происшествие", 1848; "Протекция. История бывалая", 1848). В те годы П. писал и остродраматические произведения, также близкие